

Віталій МЕДВІДЬ

Бегу. Бегу трусливо и позорно.
Сегодня я — добыча у людей,
И за спиною всхлипывают горны,
давая знак погибели моей.
Я чувствую, сегодня не сумею
избавиться от дюжины борзых,
и лошадей, несущихся за нею,
и всадников, пригнувшихся на них.
У них такие радостные лица!
Я так и не успел, увы, понять:
Они еще не научились злиться,
но здорово умеют убивать.
И я бегу, марая кожу снега,
и в голове стучит: дыши, борись!
Я сдамся... Я успел устать от бега.
Я старый, слишком старый рыжий лис...

Я — волк. Я отнюдь не хозяин леса.
Хозяином быть — нет сильней униженья.
Во мне нет ни горсточки лишнего веса.
Я — мышца. Я — сталь. Я — сплошное
движенье.
Попробуй, охотник! Попробуй, двуногий!
Ведь я не петляю. Я — вот он! Я честен.
Попробуй. Один на один. Без подмоги.
Мне — ноги и зубы. Тебе — твой винчестер.
Нет, я не бегу. Это ты догоняешь.
Ведь ты ненавидишь. И жутко устал.
Я быстр и спокоен. И ты это знаешь.
Я только лишь шерсть на загривке поднял.
И зубы оскалил в зверинной ухмылке.
Ну вот и пора. Поворот и бросок.
До боли, звенят, все натянуты жилки.
Ты где, человек? Неужели не смог?!!

Для меня в окрестности не хватает грязности.
Для тебя в окружности не хватает чистости.
От моей-то внешности — ветерок заразности.
От твоей наружности — ветерок лучистости.
А в моей бездельности — целиком оплошности.
А в твоей обратности — ни одной погрешности.
У меня в постельности возникают пошлости.
У тебя в кроватности ни на йоту грешности.
У моей наружности — ореол опасности.
У твоей любезности — ореол известности.
Я своей ненужностью создаю напрасности.
Ты своей чудесностью создаешь полезности.
От избытка вредности я читаю гадости.
Ты, мешая разности, получаешь вкусности.
Но в твоей запретности — недостаток радости.
А в моей развязности — недостаток грустности.

Узнав за тонкими дверьми
ревнивца тихие шаги
и приглушенное дыханье, —
нарушишь грустное молчанье.
Ему назло помнешь постель,
заговоришь сама с собою,
всклокочешь волосы рукою,
ослабишь несколько петель
великолепного корсажа.
Сотрешь помаду на губах.
И, пряча искорки в глазах,
сомнешь искусство макияжа.
Потом на дверь с досадой глянешь.
Она недвижима. Пока...
Капризно дернется рука,
игру продолжишь и привстанешь.
Зашепчешь: “Уходи скорей”.
И залопочешь торопливо.
И вдруг заметишь, как ревниво
там напрягутся у дверей.
Все твои действия верны.
(Ну, дурачок, входи же! Ну же!)
И тут глаза увидишь мужа.
Они тоскливы и больны.
Вот так! Взорвался дух незримый.
И слезы бросились в глаза.
Нельзя так с милыми! Нельзя!
Шепчи! Шепчи: прости, Любимый!

Я люблю, я люблю тебя пьяную,
ты тогда не такая сердитая,
и усталость твоя окаянная
хоть на время бывает забыта.
Ты придешь от вина очумелая
и почешешь мне брюшко и спинку,
а потом возьмешь белую-белую
и расстелишь простынку...
И подобно заботливой няне,
тебя мягкая примет перинка.
И, укутавшись в пенные ткани,
ты прошепчешь: "Иди ко мне, псинка".
И я руку лизну тебе радостно
и хвостом завиляю неистово.
Ах, как сладостно! Как все же сладостно
прыгнуть с грязными лапами в чистое...

А Солнце захлебнулось где-то в море,
чуть слышно утопив последний луч.
И темнота, проснувшись, из-за туч
нахально выползает мне на горе.
Мой путь до бесконечности далек,
и ветер достает из глаз слезинки.
В подслеповато-недалекой дымке
я так хочу увидеть огонек.
Я топаю к сиреневым горам,
к прозрачным и загадочным вершинам.
А там могуче-древним исполином
(пророс в веках) стоит Тибетский храм.
Моя судьба.